

БИБЛЕЙСКИЙ ДИСКУРС В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА

В статье рассмотрен библейский дискурс в раннем творчестве А. Блока. Анализ стихотворений проведен в онтологическом аспекте. Наиболее подробно рассмотрена семантическая наполняемость слова «круг».

Ключевые слова: вечность, круг, тайна, утро, сон.

Можно утверждать, что одной из ведущих книг, повлиявших на сложившуюся поэтическую концепцию Блока, стала книга Екклесиаста. На обращение к библейскому тексту книги Екклесиаста указывает как название стихотворения («Екклесиаст», 1902), так и устойчивые, заимствованные поэтом из Библии образы ветра, круга, кружения, становящиеся в поэтической системе Блока символами вечности. Об устойчивых мотивах в лирике поэта (под мотивом понимается в данном случае *образ в действии*), ведущих «символах-категориях» писали, Л. Долгополов, Л. Гинзбург, Д. Магомедова, Д. Максимов, В. Орлов и др. Трансформацию библейских образов в творчестве поэта рассматривали в своих работах М. Бродский, М. Дунаев, Б. Гаспаров, И. Есаулов, М. Качурин, З. Минц, В. Непомнящий и др. Тем не менее, проведение текстуальных параллелей между символической системой поэзии Блока и текстом Библии позволяет понять генезис мотивов в лирике поэта, выявить компонент библейского, христианского мышления в его творчестве, в связи с чем автор данной статьи в ходе анализа не раз чувствовал настоятельную потребность переопределить некоторые понятия. Одной из причин этого действия стала известная монументальная работа Ханзен-Леве «Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм», где видный австрийский славист пишет о диаволическом дискурсе в русском символизме [10: 25]. Другая причина кроется в попытке автора статьи действительно приблизиться к творческому замыслу поэта, разобравшись в частотном сосуществовании слов с разным номинативным значением на небольшом текстовом поле стихотворения.

В ходе текстуального анализа ранней лирики Блока нами было установлено, что в основе мировоззрения поэта – представление о «круговом» времени, когда через определенный вре-

менной промежутков (Великий год) повторяется все то же самое и «нет ничего нового под солнцем» [Еккл.1; 9].

Погибло все. Палящее светило
По-прежнему вершит годов круговорот
Под холмами тоскливая могила
О прежнем бытии прекрасном вопиет.
.....
Минует ночь, проснется долгий день –
Опять взойдет в своем палящем зное
Светило дня, светило огневое,
И будет жечь тоскующую сень.

(«Погибло все. Палящее светило...»,
1900). [4:106].

Как известно, стихотворение «В пути – глубокий мрак, и страшны высоты» – также парафраза библейского текста ветхозаветной книги Екклесиаста. Проведем текстуальные параллели и обратим внимание на общую лексику двух фрагментов, чтобы понять восприятие Блоком онтологических категорий.

Стихотворение Блока	Книга Екклесиаста
<p>В пути – глубокий мрак, и страшны высоты Миндаль уже цветёт, кузнечик тяжелеет, И каперса осыпались цветы. Но здешней суеты душа не сожалеет.</p> <p>Свершай свои круги, о, чадо смертных чад, Но вечно жди суда у беспощадной двери Придёт урочный час – и стражи задрожат, И смолкнут жернова, и смолкнут пенья дщери. («В пути – глубокий мрак, и страшны высоты», 1902). [4:187].</p>	<p>И запирайтесь будут двери на улице; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать человек по крику петуха и замолкнут дщери пенья; И высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветёт миндаль; и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы. [Еккл.12; 4,5].</p>

В книге Екклесиаста говорится о вечности, когда земной ход жизни будет остановлен для человека («Ибо отходит человек в *вечный дом* свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы»). Переход в вечность для Блока страшен («В пути – глубокий мрак, и страшны высоты»). Однако слово *страшный* в контексте фразы «Но здешней суеты душа не сожалеет» вовсе не означает боязнь, оно ближе к слову *трепет*. Согласно этимологии, слово *страшный* в религиозно-духовном контексте означает благоговейный, удивительный, величественный, чудный, светлый [6: 672]. Так *страшны высоты* можно интерпретировать, как особое неземное состояние души перед лицом вечности. Выражение Блока «Но вечно жди суда у беспощадной двери» – не что иное, как мотив Апокалипсиса, ожидание страшного суда над всеми людьми. Этот суд называется *страшным*, так как будут открыты перед всеми людьми дела каждого человека, слова и самые тайные мысли и желания, и каждый получит по делам своим.

«В пути – *глубокий* мрак, и страшны высоты» – это фраза о вечности, потому что одной из важных категорий вечности в поэтической системе Блока признана *глубина*, которой сопутствует тайна. Слово *глубина* в поэтической концепции Блока обладает достаточной частотностью, что и было отмечено нами в ходе исследования.

Пришли и встали за плечами,
И пели с ветром о весне ...
И тихими я шел шагами,
Провидя вечность в *глубине* ...
(«Я вышел. Медленно сходили...»,
1901). [4:130].

Ветер принес издалека
Песни весенний намек,
Где-то светло и *глубоко*
Неба открылся клочок.
(«Ветер принес издалека ...», 1901).
[4:130].

Ночью сумрачной и дикой –
Сын бездонной *глубины* –
Бродит призрак бледнолиций
На полях моей страны
(«Ночью сумрачной и дикой ...»,
1901). [4:137].

Он уходил, а там *глубоко*
Уже вещал ему закат

К земле, оставленной далеко,
Его *таинственный возврат*.
(«Он уходил, а там глубоко...»,
1901). [4:140].

Библейская фраза из книги Екклесиаста: «Идет *ветер* к югу, и переходит к северу, *кружится, кружится* на ходу своем, и возвращается *ветер* на *круги* свои» [Еккл.1;6] занимает центральное место в философско-поэтической системе Блока. Об этом свидетельствуют темы и устойчивые мотивы, встречающиеся на протяжении всего творчества автора.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забывтый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.
(«На небе зарево. Глухая ночь мертва...»,
1900). [4:102].

«И бытия возвратное движенье...» – строчка значащая очень много. В ней отражены два важных свойства онтологического времени: *мгновенность* и *обращенность* от будущего к прошедшему, когда жизнь от видимого переходит в невидимое, от действительного – в мнимое [7: 6].

Идея *круга, кружения* в поэтике Блока – это путь человека к вечности, осознание себя причастным к жизни временной и вечной, «скитанье без конца», «таинственный возврат»: «На молодых весенних грезях / Подстережет меня недуг, / Для опочившего на розах / Замкнется жизни *светлый круг*»; «Я пытался разбить *заколдованный круг*, / Перейти за черту оглушающей тьмы»; «Ты отходишь в сумрак алый, / В *бесконечные круги*»; «Там безнадежно угасает / Мое скитанье – без конца ... / И вдруг в преддверьи заточенья, / Послешу дальние шаги ... / Ты одиноко – в отдалении, / Сомкнешь *последние круги*»; «И *кружный мрак*, мечтою озаренный»; «Тебя не вижу я и долго бога нет / Но верю, ты взойдешь, и вспыхнет сумрак алый, / Смыкая *тайный круг*, в движенье запоздалый»; «И, когда среди мрака снопами / Искры станут кружиться в дыму, – Я умчусь с *огневыми кругами* / И настигну тебя в терему».

Важное место в «*круговом вращении*» человека в лирике Блока занимает начало дня, «глубокое» утро.

Для Блока важен рассвет, утро как исток новой жизни, все то, что только начинается, что мож-

но лишь предчувствовать и предполагать, каким оно будет дальше. Зарождающийся день («ново-рожденный») овеян далью, устремлен к Творцу.

На светлой утренней черте
Новорожденному навстречу
Пойду в духовной чистоте.
(«Разверзлось утреннее око»,
1900). [4: 93].

Ощущение полного (целостного) пространства, гармонии мира, пожалуй, основная тональность восприятия этого времени суток.

Утро брезжит. День грозит ненастьем
Вечер будет холоден, но ясен.
Будет время надышаться счастьем,
Чуять все, чем Божий мир прекрасен.
(«Утро брезжит. День грозит ненастьем»,
1900). [4: 92].

Родны ль тебе в твоём паренье
Передрасветное волнение,
Передзакатные мечты?
(«Какому Богу служишь ты?», 1901).
[4: 145].

Утро (до утра, «предутренней», «рассвет», «пробужденья») – одна из частотных лексем в лирике Блока: «Притаилось пробужденья / Дней тоскливых для меня»; «Улетай в бесконечную высь, / За крылатым виденьем гонись, / Утро знает стремленье твое, / Вдохновенное сердце мое!».

В стихотворении «То отголосок юных дней...» (1900, 1918) есть объяснение столь частого обращения поэту к этому времени.

То сон предутренний сошел,
И дух на грани пробужденья,
Воспрянул, вскрикнул и обрел
Давно мелькнувшее виденье.

То был безжалостный порыв
Бессмертных мыслей вне сомнений.
И он умчался, пробудив
Толпы забытых откровений.

Важно заметить, что на небольшом текстовом поле использованы почти все частотные слова в лирике Блока: сон, утро («предутренний»), грань, тайна («откровение»).

Утро в поэтике Блока – это откровение, порыв через земную косность. Начало дня способ-

но дать новые мысли, напомнить о бессмертии и забыть все сомнения. Утро (*рассвет*) в лирике Блока синонимично истине (*незыблемому завету*). Истина при пробуждении способна стать откровением, равному по силе которому нет.

Блажен поэт, добром проникновенный,
Что миру дал *незыблемый завет*
И мощью *вечной*, мощью дерзновенной
Увел толпы в пылающий *рассвет!*
(«Я – человек и мало Богу равен», 1899).
[4: 75].

Раннее утро – это *грань* (черта), то состояние, которое позволяет явиться чуду, откровению, *тайне*, будущему, спрятанному в *туманы*: «Притаилось пробужденья / Дней тоскливых для меня»; «То сон предутренний сошел, / И дух, на грани пробужденья»; «Лишь там, в черте зари окровавленной – Таинственный, еще невнятный знак»; «То был рассвет великого рожденья, / Когда миров нечисленный хаос / Изчезнул в бесконечности мученья. – / И все таинственно роптало и несло».

Таким образом, утро для Блока – время наступающего вечного Света, грань между временным и вечным: «Я пытался разбить заколдованный круг, / Перейти за *черту* оглушающей тьмы / Но наутро я сам задохнулся вдали, / Беспокойно простертой у *края* земли»; «Буду прежнюю думой болеть / В непогодной *полуночной* мгле, / Но молитвенным миром гореть / И таиться на этой земле»; «Здесь *между небом и землей* / Живет угрюмая тоска»; «Вон огневого заката / Ясная гаснет *черта*»; «Там – вечеряющая даль / Туманы, призраки, виденья».

Ощущение грани часто в поэтической концепции Блока реализуется через описание состояния *полусна-полуяви*: «Я здесь в конце, исполненный прозренья, / Я перешел граничную черту. / Я только жду условного виденья, / Чтоб отлететь в иную пустоту». Полусон – обычное состояние лирического героя Блока, когда бездействует воля («душа сонная») и застывает движение («цепененье»).

Глухая полночь. Цепененье
На душу сонную легло.
Напрасно жажду вдохновенья –
Не бьется мертвое крыло.
(«Глухая полночь. Цепененье...», 1899).
[4: 79].

Я не таков: пусть буду снами
Заворожен, –
В мятежный час взмахну крылами
И сброшу сон.
(«За краткий сон, что нынче снится...»,
1899, 1919). [4: 86].

В состоянии полусна оценка времени прекращается. Сон лирического героя смешан с явью. Лирическому герою неизвестно, что реальнее. Он признает, что есть другой мир, интуитивно чувствует, что соприкосновение с ним возможно через сон. Сон и туман – синонимичные понятия в лирике Блока. Пребывание вне сна сулит заглянуть реальности в лицо, почувствовать нерадостное будущее, «тяжкие мгновенья».

О, в эти тяжкие мгновенья
Я вижу, что мне жизнь сулит,
Что крыл грядущее биенье –
Печаль, не песни породит.
(«Глухая полночь. Цепененье...», 1899).
[4: 79].

«Я стар душой. Какой-то жребий черный – / Мой долгий путь / Тяжелый сон проклятый и упорный / Мне душит грудь»; «Как сон молитвенно-бесстрастный, / На душу грешную сошла»; «Где в широком чистом поле / Хорошо, как в чудном сне»; «И так задумчиво, задумчиво спокойно / Навеяла безоблачные сны»; «...спокойная, как сон»; «Сердце давит / Печаль прошедших дней, / прошедших слез и снов»; «Дышит утро в окошко твое, / Вдохновенное сердце мое, / Пролетают забытые сны, / Воскресают виденья весны»; «Как сон молитвенно-бесстрастный, / На душу грешную сошла»; «Теряет берег очертанья. / Плыви, челнок! / Плыви вперед без содроганья – / Мой сон глубок»; «В фантазии рождаются порою / немые сны»; «Все о бессмертии во сне далеком / Мечты мои»; «Душа в стремленьи запоздала, / В паренье смутном замерла, / Какой-то тайны не познала, / Каких-то снов не поняла»; «Злые времена законы / Усыпили скорбный дух»; «Все отлетают сны земные, / Все ближе чуждые страны. / Страны холодные, немые, / И без любви, и без весны»; «...вечер сонный».

Состояние полусна автор понимает по-евангельски: можно видеть – не видеть и слышать – не слышать.

Самый огонь – слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день – темнее ночи
Усыпленному душой.
(«В день холодный, в день осенний...»,
1901). [4: 138].

Сон у Блока – и явление из другого мира, и, одновременно, это форма пребывания в земной реальности. Причина обращения ко сну, пожалуй, кроется в желании заглянуть в вечность:

Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили
И вечности вставали сны!
(«Я вышел. Медленно сходили...», 1901).
[4: 130].

Образы сна и тумана в поэтической системе Блока синонимичны.

Теряет берег очертанья.
Плыви, челнок!
Плыви вперед без содроганья –
Мой сон глубок.
(«Теряет берег очертанья...», 1900).
[4: 98].

Сон в поэтике Блока – попытка проникнуть в иную реальность, в *иные миры*.

Чуть слезу, склонив колени,
Взором кроток, сердцем тих,
Унывающие тени
Суетливых дел мирских
Средь видений, сновидений,
Голосов *миров иных*.
(«Внемля зову жизни смутной ...»,
1901, 1908). [4: 148].

Вся поэзия Блока о будущем, ее вектор – даль. Будущее представляется поэту «сумраком ночи». Образ Прекрасной Дамы – также из потустороннего мира, из будущего. Подлинная действительность по Блоку должна нести в себе огонь, свет и тайну.

Как сон молитвенно-бесстрастный,
На душу грешную сошла;
И веют чистым и прекрасным
Ее прозрачные крыла.

Но грех, принявший отраженье,
В среде самих прозрачных крыл
Какой-то призрак искушенья
Греховным помыслам открыл.
(«Как сон молитвенно-бесстрастный»,
1899). [4: 86].

Тайна у Блока – частотное слово. Тайна – атрибут жизни, любви, смерти, вечности.

В поэзии Блока оно близко к слову «откровение». Тайна как незнание, возможность движения, стремления к любви, есть сама любовь. Без тайны не может быть жизни, не может быть будущего.

Меж ними тайны не лежали
Все было пусто и мертво,
Они в скитаньи угасали
И хоронили божество.
(«Они расстались без печали...»,
1900, 1914). [4: 107].

Тайна «непостижимого света», ожидание «вселенского света» – ведущий библейский мотив в стихотворении Блока «Верю в Солнце Завета» (1902). К нему поэт взял эпитафию из Апокалипсиса: «И дух и Невеста говорят: прииди». Это текст из книги Нового Завета, заключительной XXII-ой главы Откровения Иоанна Богослова, стих 17-ый: «И Дух и Невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром». Известно, что «водою жизни» Христос назвал свое Божественное учение (известный библейский сюжет Нового Завета «Христос и самарянка»). Смысл этой библейской фразы в освобождении, преображении мира, в появлении нового неземного света (учения).

И Дух и Невеста говорят прииди
Апокалипсис

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Все дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной – к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.
(«Верю в Солнце Завета...», 1902).
[4: 191].

Слово «Солнце» – известный по своей смысловости библейский образ. С образом Солнца в славяно-русской культурной традиции отождествляется Христос. Например, в праздничной песне Рождеству Христову встречается выражение: «Тебе кланяемся Солнцу правды», в акафисте Иисусу Сладчайшему – «Воссия вселенной просвещение истины твоя» (Воссияло для всей Вселенной просвещение Твоей Истины, то есть воссияло как Солнце). В святоотеческой традиции принято считать, что «праведники, возрожденные словом Божиим, воссияют некогда, как солнце в царствии Отца их».

Таким образом, вечность представлена в поэтическом мире Блока через образы круга, ожидания, сна, Таинственной Девы («голубой царицы земли»), глубины и света. Свет – неизбежная величина вечности, источник любого человеческого творчества. Вечность по Блоку – «свобода невозможная», «тайна без конца».

Вы все, рабы свободы невозможной,
Смутитесь здесь пред тайной без конца.
(«Входите все. Во внутренних покоях ...»,
1901, 1910). [4: 151].

Поэзия Блока – это поэзия будущего, она вся проникнута ожиданием. Настоящее – пребывание в полусне.

Ожидание чуда, соприкосновения с вечностью, с потусторонним миром – основной мотив лирики Блока: «Дни текут молчаливо, / Непонятные дни. / Жду речного разлива, / Притаившись в тени»; «Ты страстно ждешь. Тебя зовут, / Но голоса мне не знакомы, / Очаг остыл, – тебе уют – / Родная степь. Лишь в ней ты – дома»; «Жду я холодного дня, / Сумерек серых я жду»; «Будет день и свершится великое, / Чую в будущем подвиг души»; «Я долго ждал

– ты вышла поздно, Но в ожиданьи ожил дух, /
Ложился сумрак, но бесслезно / Я напрягал и
взор, и слух».

Приблизиться к пониманию вечности, библейскому времени помогает «предчувствие беды».

И вновь мне будет близко время,
Когда, в предчувствии беды,
Ума живительное семя
Взрастило смелые плоды.
(«Под вечер лет с немим вниманьем...»,
1900, 1920). [4.: 111].

В основу стихотворения «Под вечер лет с немим вниманьем...» положен библейский сюжет из книги Нового Завета притчи о сеятеле. «Ума живительное семя» возможно в состоянии скорби. Именно такое семя, упавшее на благодатную землю, способно дать плод, иными словами, только в скорби человек по-настоящему близок к Богу.

Таким образом, в поэтических произведениях Блока можно наблюдать библейский дис-

курс как явно, так и в подтексте. Основные образы и мотивы лирики Блока восходят к книгам Ветхого и Нового Заветов. Книга Екклесиаста – одна из основных для поэта библейских книг, именно из нее автором были заимствованы образы *круга* и, соответственно, *кружения*, что нашло отражение впоследствии во многих поэтических текстах. Не менее важны для лирики Блока образы и настроения Апокалипсиса, поэтому так сильны в его поэтическом мире мотивы *ожидания*, *чуда*, *перехода* в другую реальность, *освобождения мира* от «скверны».

«Странные сближенья», сосуществование на одном небольшом текстовом поле в поэтике Блока таких «разных» с точки зрения номинативного значения слов, как *круг*, *грань*, *сон*, *тайна* вполне объяснимо прямыми заимствованиями из Библии, и, следовательно, отражением в творчестве поэта суггестии библейского текста, требующего от читателя неослабевающего внимания.

22.01.12

Список литературы:

1. Аверинцев, С.С. Поэты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. –
2. Бахтин, М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
3. Библия. – М., 1992. – 895 с.
4. Блок, А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 1. – Л.: Художественная литература, 1980. – 512 с.
5. Гинзбург, Л.Я. О лирике. – М.: Интрада, 1997. – 414 с.
6. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь. – М., Отчий дом, 2001. – 720 с.
7. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
8. Флоренский, П.А. Иконастас. Имена. – М., 2009. – 318 с.
9. Флоренский, П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М., 2000. – 446 с.
10. Ханзен-Леве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. – СПб., 1999. – 512 с.

Сведения об авторе: **Пороль Ольга Анатольевна**, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета,

кандидат педагогических наук

460018, г.Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru

UDC 801. 7: 81' 42

Porol O.A.

BIBLE DISCOURSE IN EARLY CREATIVITY OF A. BLOK

The author of article in ontologic aspect considers the poetic concept of space and time of creativity of A. Blok. Semantic fullness of a concept «circle» is most in detail considered.

Key words: eternity, circle, secret, morning, dream.

Bibliography:

1. Averintsev S.C. Poets. M.: Language of Russian culture, 1996. – 364 p.
2. Bakhtin M.M. Author and the hero. To philosophical bases of the humanities. – SPb.: Azbuka, 2000.-336p.
3. Bible. – M., 1992. – 895 p.
4. Blok A. Collected works in 6 t. T.1.– L.,1980. – 512 p.
5. Ginzburg L. About the lyric poet. – M.: Intrada, 1997. – 414 p.
6. Dyachenko G. The Full Church Slavonic dictionary. – M.: Otchiy dom, 2001. – 720 p.
7. Tinyanov J.N. Poetics. History of literature. Cinema. – M.: Nauka, 1977. – 574 p.
8. Florensky P.A. Iconostasis. Names. – M.,2009. – 318 p.
9. Florensky P.A. Articles and researches by stories of art and archeology philosophy. – M., 2000. – 446 p.
10. Hanzin-Lyov. Russian symbolism. System of poetic motives. Early symbolism. – SPb., 1999. – 512p.